

Глава 82. Произведение. Мотив убийства

— Господин Фан — очень хороший человек. — бормотал Цзян Чи, начиная свой рассказ.

— Поначалу я был ассистентом сестры, но потом господин Фан решил, что я работаю достаточно аккуратно, и перевёл меня к себе.

— У господина Фана специфическая работа. Он часто уходит в уединение, может на несколько месяцев забраться в глухие горы. Когда он уходит в затворничество, чтобы писать, он не хочет, чтобы его отвлекали, но за бытом кто-то должен следить, поэтому я навещал его через день.

Закончив, Цзян Чи бросил взгляд на Шэнь Цинцюань. Та уже вытерла слёзы и пустым взглядом смотрела в одну точку, словно вообще не слушая его.

— В горах людей мало. Господин Фан засиделся там в одиночестве и, наверное, заскучал...

Цзян Чи снова опустил голову.

— И поэтому ты переспал с ним? — холодно спросил Ю Ю.

Цзян Чи промолчал.

— Когда это началось?

— Примерно в семнадцатом году.

— Госпожа Шэнь. — Ю Ю ткнул пальцем в сторону Цзян Чи, — вам было известно о связи между вашим младшим сокурсником и вашим мужем? В семнадцатом году вы ещё не были женаты.

Шэнь Цинцюань молчала.

— А как насчёт У Хуая?

Ю Ю продолжил допрос, не обращаясь ни к кому конкретно:

— Надеюсь, это не очередная чушь?

Все трое молчали.

Чу Си искоса глянула на дверь Фан Божэня, подумав, неужели он уже до того взбешён, что потерял дар речи? Фан Божэнь терпеть не мог, когда лезли в его личную жизнь. Ему не нравилось, что сплетни о нём затмевают его творчество, поэтому он тщательно оберегал свою личную жизнь.

— Госпожа Чу, похоже, тоже в курсе?

Чу Си неожиданно назвали по имени. Она инстинктивно улыбнулась, даже не заметив, что улыбка получилась какой-то натянутой.

На самом деле, когда их спросили о непристойных связях в команде сценаристов, Чу Си сразу поняла, чьих рук дело.

Измена женатого писателя с женщиной — это же просто кошмар. Если бы такие новости просочились в прессу, репутация Фан Божэня рухнула бы в одночасье, это был бы сокрушительный удар.

Но интрижки с женщинами — совсем другое дело. Таких пруд пруди, люди уже привыкли. Писателей с сомнительной моралью хоть отбавляй, а в тусовке это и вовсе могут считать поводом для зависти.

Вот почему Чу Си сама вызвалась принять удар на себя, заботливо приправив всё это красивой ложью про «любовь». Как это красиво звучит, как романтично! Она думала, Фан Божэнь будет ей за это благодарен.

— Господин У тоже был любовником господина Фана. — когда обе женщины молчали, Цзян Чи ответил за них.

— Ты ревновал?

Не дав им ни секунды на передышку, тут же спросил Ю Ю.

Цзян Чи растерялся. Казалось, он не ожидал такого вопроса. Помедлив несколько секунд, он ответил:

— Я не ревновал.

Ю Ю заметил, как по лицу Чу Си промелькнула тень презрительного согласия.

— У меня не было на это права. — добавил Цзян Чи.

Ю Ю понимающе кивнул:

— Раз даже госпожа Шэнь с этим смирилась, тебе и подавно нечего было предъявлять.

В позе Шэнь Цинцюань читалось то же молчаливое согласие.

Картина любовных похождения Фан Божэня вырисовывалась предельно чётко.

Фан Божэнь был неисправимым донжуаном, или, скорее, в его мире вообще не существовало такого понятия, как мораль в отношениях. Сначала он встречался с Шэнь Цинцюань, затем закрутил роман с Цзян Чи и, не разрывая этого треугольника, женился на Шэнь Цинцюань. Но и после свадьбы не уgomонился: У Хуай и Чу Си тоже стали его любовниками.

— Я слышал, что именно господин Фан настоятельно рекомендовал госпожу Тан на роль главной героини. — тонко намекнул Ю Ю.

Выражение лица Цзян Чи не изменилось, зато Чу Си удивлённо вскинула брови.

Из всех присутствующих именно она реагировала на происходящее эмоциональнее всех.

Фан Божэнь был подобен болоту: всякий, кто к нему приближался, неизбежно увязал в его тёплой, но уродливой трясине, и его собственные эмоции начинали искажаться. Ни Цзян Чи, ни Шэнь Цинцюань, ни У Хуай не были из тех, кто легко раскрывает свою душу.

Чу Си ещё не успела погрузиться в эту трясину по горло, поэтому казалась такой живой и настоящей.

— Не может быть.

Чу Си не выдержала:

— Господин Фан никогда не связывается со звёздами.

— Верно. — подхватил Цзян Чи. — Господин Фан всегда держит дистанцию с артистами.

Тан Кэ и Ван Тао.

Эти двое были исключены из любовных походов Фан Божэня.

Но тогда почему? Зачем убивать именно их?

Ю Ю был согласен с Синь Синем, что Тан Кэ изначально была в плане.

— Значит, господин Фан оказал кому-то услугу, когда рекомендовал Тан Кэ на роль?

Этот вопрос Ю Ю задал, глядя на Цзян Чи. Цзян Чи, как ассистент, заведовал всеми делами Фан Божэня, и логично было спросить именно у него.

Цзян Чи подумал и ответил:

— Да.

Ответ был коротким, что говорило о его осторожности и нежелании касаться темы Тан Кэ.

Уклонение — значит, это зацепка.

— Учитывая характер господина Фана, он бы так просто не согласился на такую просьбу, верно?

— Господин Фан и тот человек дружат уже много лет.

Цзян Чи слегка поморщился:

— Не смог отказать.

— То есть господин Фан на самом деле не хотел брать Тан Кэ на главную роль?

— Верно.

— Ему не нравилась Тан Кэ?

Ответ Цзян Чи задержался. Он поднял глаза, не моргая:

— Не знаю.

Интересно.

На все предыдущие вопросы Цзян Чи отвечал бойко, но тему Тан Кэ обходил стороной, словно воды в рот набрал.

Ответ на этот вопрос мог что-то выдать? Но что именно?

*

[В горах так тихо. Деревья с одной стороны склона клонятся к земле, словно зеленые ширмы. Клонятся, клонятся... Мой взгляд устремлён в небо. Наставник. Я тихо зову его. Он не отвечает. Я так слаба, совершенно беззащитна. Я слышу крики птиц, слышу тяжёлое дыхание наставника, слышу шорох страниц, которые ветер переворачивает... Рукопись, которую я принесла наставнику, лежит нетронутой. А меня мнут и рвут, словно смятый лист бумаги. Наставник, неужели ты не можешь просто взглянуть на моё произведение?]

[Думаю, я ненавижу её. Может, и не стоило. Мне следовало бы ненавидеть себя. Это я сам оказался слишком слабым.]

[Уже случилось то, что случилось. Ты мужчина, так води себя как мужчина и смотри правде в глаза, а не предавайся хандре и не лей слёзы по пустякам. Цзян Чи, не заставляй меня презирать тебя.]

[Я выложил ей карты на стол. Она даже не дрогнула. Может, она давно знала. А может, она с самого начала рекомендовала меня в студию с нечистыми намерениями. Она использует меня! Я не могу просто так позволить собой помыкать. Я должен ухватиться за этот шанс и заставить их всех пожалеть!]

[Почему ты не читаешь мою рукопись? Почему почему почему почему почему почему]

.....

Целая страница, исписанная одним лишь «почему».

Дочитав до этого, Синь Синь невольно остановился, чтобы перевести дух.

Заряд батареи планшета был на уровне 80%, этого должно было хватить, чтобы дочитать.

Пароль от планшета Цзян Чи совпадал с паролем от ноутбука — дата его прихода в студию Фан Божэня.

Возможно, в сознании Цзян Чи это был самый важный день в его жизни, день, перевернувший его судьбу.

Текст лежал в заметках. Открыв их, Синь Синь увидел записи, идущие снизу-вверх, датированные одним днём — 30 июня 2023 года, то есть днём высадки на остров.

Судя по объёму, Цзян Чи перенёс эти заметки на планшет с другого устройства.

[Я не понимаю. Я отдал ему всё, почему он не хочет дать мне ни единого шанса? Чем я хуже остальных? Или он просто хочет так меня контролировать, не даёт выбиться в люди, хочет, чтобы я вечно был рядом и был его рабом? Я ненавижу тебя. Я правда тебя ненавижу.]

[Поздравляю.]

[Сестра, ты наконец добились своего. А что насчёт меня? Я для тебя просто ступенька или инструмент, которым можно на него давить? Тогда используй меня как инструмент, но дай этому инструменту хотя бы шанс заточить лезвие. Вы все меня используете, и никто меня не слушает.]

[Я же сказал: не будешь читать мою рукопись — не трогай меня. Кем ты меня вообще считаешь? Игрушкой для разрядки или личной прислужгой?]

[Почему ты можешь продвигать У Хуая, но не можешь мне хоть немножечко помочь? Я понял. Тебе досталось всё слишком легко, это я сам был слишком глуп! Думаю, мне тоже стоит пустить в ход мозги, а не просто умолять и ползать на коленях...]

.....

Содержимое заметок было практически дневником Цзян Чи за все эти годы.

Но не с момента прихода в студию, а с того дня, когда он... когда Фан Божэнь взял его...

Поначалу Цзян Чи мучился. Он даже подозревал, что Шэнь Цинцюань, рекомендуя его в студию, просто использовала его, чтобы подлизаться к Фан Божэню.

Позже Цзян Чи решил смириться. Он надеялся, что через физическую близость с Фан Божэнем сможет выбиться из ассистентов и стать сценаристом. Но, увы, Фан Божэнь, похоже, хотел лишь плотских утех и не желал его продвигать.

Шэнь Цинцюань же благодаря этому случаю успешно укрепила свои позиции. Появился У Хуай, который успешно влился в круг сценаристов через Фан Божэня, и психологическое равновесие Цзян Чи окончательно пошатнулось.

Он помнил, как Цзян Чи однажды сказал: в этой индустрии без связей не пробиться.

Но Цзян Чи уже «отдал ему всё». Под «всем» могло подразумеваться и тело, и душа. Он стал инструментом Фан Божэня, и телом и душой, но так и не получил желаемого.

Синь Синь продолжил листать и наткнулся на упоминание, похоже, касавшееся Ван Тао.

[Странно. Хотя они и однокурсники, от него так и разит запахом меди*. Он не понимает ни драматургии, ни литературы. У него на уме только окупаемость инвестиций. Такой человек никогда не создаст настоящего искусства.]

* 铜臭 (tóng xiù) — китайское устойчивое выражение, буквально означающее «запах меди» или «запах денег». Используется как резкое отрицательное определение для человека, который одержим деньгами, меркантилен и не гнушается ничем ради наживы. Часто применяется для критики тех, кто ставит материальные ценности выше духовных или творческих.

Ван Тао был близок с Фан Божэнем, и Цзян Чи, как его ассистент, всегда присутствовал на их встречах. Синь Синь и сам хорошо знал Ван Тао: кроме выгоды, этого человека ничего не волновало, он был типичным до мозга костей коммерсантом.

Листая дальше, Синь Синь, помимо бесконечных самобичеваний и внутренних метаний Цзян Чи, вскоре увидел заголовок заметки.

[Я убью их.]

Синь Синь вздрогнул и тут же открыл её.

Но заметка была пуста. В ней не было ни единого слова, кроме этого заголовка.

Синь Синь поспешно вышел из неё и пролистал вверх.

Однако выше этой заметки записи заканчивались. Там лежали одни лишь рассказы — короткие, средние, длинные, некоторые были такими длинными, что до конца не пролистать за раз.

Открыв несколько, Синь Синь осознал, что это, должно быть, и есть работы Цзян Чи!

Слишком много.

Синь Синь вытер пот и глянул на часы. Уже час дня! Он пропустил полуденную встречу с Ю Ю для обмена информацией!

Синь Синь коснулся ключа на шее.

Ладно, сейчас особый случай, он может в любой момент подняться, открыть дверь и найти Ю Ю.

Но неужели ему придётся читать все эти рассказы?!

Синь Синь чуть не расплакался.

Он попробовал начать с первого рассказа, но прочитал всего пару страниц и потерял терпение. Там шла речь о сельском учителе, поехавшем на стажировку в деревню.

Синь Синь вышел и переключился на следующий. В каждом рассказе он читал лишь начало и конец, и, если чувствовал, что к заданию это не относится, закрывал.

И пусть он читал бегло, рассказы Цзян Чи вызывали у него странное чувство.

Каждый рассказ был в совершенно разных жанрах и стилях. Казалось, будто их писали совершенно разные люди.

Синь Синь обливался потом, читая и поминутно поглядывая на часы. Если совсем ничего не выйдет, придется идти и допрашивать Цзян Чи лично.

Но судя по тому, как тщательно Цзян Чи спланировал эти убийства и вырезал столько людей, его психологическая защита была не чета обычной.

Спокойно, спокойно.

Капля пота с подбородка упала на экран. Синь Синь смахнул её тыльной стороной ладони, заметки поехали, заголовки замелькали, и Синь Синь внезапно выхватил одно название.

«Одинокое море».

*

То, что Цзян Чи так упорно избегает темы Тан Кэ, было важной зацепкой, но давить не имело смысла.

Ю Ю повернулся к Чу Си. В глазах Чу Си читалось неподдельное любопытство. Она и была настоящим сторонним наблюдателем. Неужели именно это спасло ей жизнь?

— Госпожа Чу, вы уверены, что между господином Фаном и мисс Тан не было ничего?

Чу Си была явно заинтригована. Она поняла, что человек перед ней раскручивает Фан Божэня на самые сокровенные тайны, но сам Фан Божэнь при этом молчит как рыба.

Неужели Фан Божэня держат на крючке?

«Произведение» действительно не работа Фан Божэня? А как же его предыдущие работы? Тот сценарий, что он отдал ей на доработку... Если это правда... Чу Си начала приходить в возбуждение. Это будет величайшей возможностью в её жизни!

— Я уверена. — Чу Си улыбнулась. — Господин Фан считает всех актрис слишком пошлыми.

Красота, не озарённая интеллектом, — всего лишь пустая оболочка. Именно так Фан Божэнь сказал Чу Си: «Твоя самая прекрасная черта — это твой талант». Слушая подобные оценки, Чу Си иногда думала, что она и правда влюбилась в Фан Божэня. Его критика и похвала были одинаково точными и безоговорочными.

— А что госпожа Чу думает о мисс Тан? — с притворным любопытством спросил Ю Ю.

Чу Си была слегка озадачена, но всё же ответила:

— Мисс Тан красива, и играет она неплохо. Жаль, что так вышло.

Ю Ю повернулся к Цзян Чи:

— А как считает помощник Цзян?

Вопрос был странным, но Цзян Чи, похоже, этого не заметил. После ответа Чу Си он опустил голову, вероятно, чтобы скрыть задумчивое выражение лица, и выдал ответ, слегка видоизменив слова Чу Си:

— Мисс Тан очень красива, но играет она... так себе.

«Играет так себе». Вот в чём Цзян Чи не мог согласиться с Чу Си.

Услышав это, Чу Си возразила:

— Для начинающей актрисы она играет более чем достойно.

Цзян Чи промолчал, но было очевидно, что он с этим не согласен.

Ю Ю сидел прямо напротив Цзян Чи. Он постоянно твердил себе: не воспринимай этого человека как нормального. Возможно, его мотивы для убийства настолько абсурдны, что обычный человек их просто не поймёт.

— А как насчёт Е Сюаньфэна? Он же ветеран сцены, красивый, и играет безупречно.

Вопросы Ю Ю становились всё более нелепыми. Чу Си уже потеряла дар речи, думая: «При чём тут вообще Фан Божэнь?» Но она была рождена, чтобы подхватывать любую тему. Она писательница. Некоторые писатели любят лишь само слово и потому молчаливы, но она из тех, у кого жажда самовыражения сильна и в тексте, и в речи. Поэтому она, не задумываясь, подхватила:

— Просто у него слишком много скелетов в шкафу, в любой момент может грянуть скандал.

На этот раз Цзян Чи не стал поддакивать Чу Си и не стал возражать, а лишь слегка кивнул.

От напряжения половина тела Ю Ю почти потеряла чувствительность. При малейшем движении его пронзала колющая боль. Сквозь боль на языке ощутился терпкий привкус — будто искра ударила по нервам. Он не мог в это поверить, но, возможно, это и есть правда. Он медленно произнёс:

— Если бы, госпожа Чу, ваше произведение экранизировали, вы бы выбрали их на главные роли?

Чу Си подумала, что вопросы становятся всё более бредовыми, и посмотрела на Ю Ю как на какого-то чудака. Тан Кэ уже мертва, какой смысл в таких вопросах? Точно, почему она до сих пор не видела Е Сюаньфэна? Разве он не живёт на пятом этаже...

Ю Ю спрашивал Чу Си, но смотрел при этом на Цзян Чи.

— А что скажет помощник Цзян?

Цзян Чи молчал, опустив голову. Возможно, он просто не знал, как ответить, чтобы это звучало нормально.

— Выбирать этих двоих на главные роли в «Произведении» — немного жаль, не так ли?

Цзян Чи пошевелил губами и осторожно ответил:

— Недостаточно идеально.

<http://bllate.org/book/12899/2151841>